

Игорь
Атаманенко

ИХ СУДЬБА — ШПИОНАЖ

Анатомия спецслужб

Игорь Атаманенко

Их судьба – шпионаж

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94+351/354
ББК 67.401.212

Атаманенко И. Г.

Их судьба – шпионаж / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Анатомия спецслужб)

ISBN 978-5-4484-4477-7

«Их судьба — шпионаж» — очередной боевик профессионального контрразведчика и литератора Игоря Атаманенко, в котором главными героями выступают сотрудники отечественных и иностранных спецслужб, ставшие культовыми символами шпионажа. Рисковые игроки, они, поправ моральные и этические постулаты, с азартом вращают шпионскую рулетку. Магистральная тема книги приправлена пикантными нюансами из жизни золотого голоса Америки Фрэнка Синатры, актера Жана Габена и шансонье парижских бульваров Мориса Шевалье. Книга издается в авторской редакции. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94+351/354

ББК 67.401.212

ISBN 978-5-4484-4477-7

© Атаманенко И. Г., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	7
Часть I	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Игорь Григорьевич Атаманенко

Их судьба – шпионаж

© Атаманенко И.Г., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

Который век кряду шпионская рампа манит жаркими огнями миллионы зрителей, и шпионские сюжеты всё так же самые востребованные в литературе и в мировом кинематографе.

Шпионаж сродни сценическим спектаклям в традиционном театре, но при этом его страсти реальные, а драматургия отрицает дубли, овации и цветы. Как и стрельбу. Ибо, «если шпион взвёл курок пистолета, значит, дело его уже проиграно» – эта хрестоматийная истина не потеряла актуальности и в наши дни. Потому что главным оружием шпиона всегда был, есть и будет интеллект, помноженный на знания, опыт и... удачу.

Многие факты книги неизвестны даже матёрым почитателям шпионских боевиков, и, чтобы в этом убедиться, достаточно не ответить на два вопроса:

– как звали советского разведчика, служившего главой дипломатической миссии латиноамериканской республики одновременно в трех европейских государствах?

– как имя нашего разведчика-нелегала, без чьей героической лепты СССР не выполнил бы план Первой пятилетки?

Не огорчайтесь, если не нашли ответа. Он – в книге.

Впрочем, есть куда более трудные вопросы. Например: стоит ли верить гипотезе, что литературная стезя для мировых знаменитостей: Даниеля Дефо, Сомерсета Моэма, драматурга Пьера Бомарше, служила лишь прикрытием главного дела их жизни – шпионажа?

Принять или отвергнуть гипотезу, как и узнать всё о сенсационных амплуа писателей, можно, разумеется, из книги.

И последнее. Представляя свою книгу, хотел бы отметить, что более 50 лет назад человечество воспринимало шпионаж как занятие грязное и даже подлое. С годами отношение к нему и к людям, в него вовлеченным, менялось, и ныне шпионы в иерархической системе координат мирового сообщества занимают достойное место. Примеры, вот они – под рукой: экс-президент США Джордж Буш-старший и президент РФ Владимир Путин.

Раздел I

Профессионалы-одиночки

Часть I

Короли шпионажа XX века

Глава первая

«Сапфир» – ударник царской охраны¹

ИЗ ИУДЕЕВ – В ЛЮТЕРАНЕ

Одной из самых крупных «голубых» звезд агентурного аппарата Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии был Иван Фёдорович Манасевич-Мануйлов, в платежных документах значившийся под псевдонимом «Сапфир».

В секретном архиве Министерства внутренних дел самодержавной России сохранилось объемистое дело коллежского асессора (чин, приравненный к воинскому званию майор) Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова. На обложке надпись: *«Совершенно секретно. Выдаче в другие производства не подлежит. Хранить вечно».*

Приключения и авантюры, главным фигурантом, а часто и инициатором которых был сам Манасевич-Мануйлов, начались еще в юности.

Его отец – раввин Тодрес Манасевич – был организатором подпольной фирмы по изготовлению и распространению фальшивых знаков почтовой оплаты. Нажив на этой афере миллионы, он, в конце концов, угодил на каторгу в Сибирь, где вскоре скончался, оставив круглым сиротой своего единственного сына Изю.

Трудно представить, как бы сложилась судьба юного и неискушенного отрока, не свались на него Божья благодать в образе богатого сибирского купца Фёдора Мануйлова, который усыновил и воспитал малолетку. После внезапной смерти Мануйлова Изя Манасевич наследовал 200-тысячное состояние – стартовый капитал, который он умело использовал, чтобы совершить путь наверх.

Окончив омское реальное училище, он переезжает в Санкт-Петербург, где незамедлительно принимает лютеранство, превращается в Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова и избирает для себя вольную профессию журналиста. Горькая ирония судьбы: вчерашний иудей становится обозревателем славящегося своим антисемитизмом журнала «Новое время»!

...Красивый пухлый юноша обратил на себя внимание известных светских гомосексуалистов. Его осыпали подарками и деньгами, возили по шантанам и вертепам, у него рано развилась страсть к роскоши, кутежам и мотовству.

Вскоре юный выкрест вступает в «Голубой клуб» Северной столицы и с помощью гомосексуалистов, приближенных ко двору Его Императорского Величества, поступает на государственную службу в «Императорское человеколюбивое общество», получив чин коллежского асессора.

¹ Охранка – полное название: Отделение по охране общественной безопасности и порядка Департамента полиции.

В личном деле «Сапфира» имеется Меморандум, отражающий черты его характера и деловые качества:

МЕМОРАНДУМ

«Агент “Сапфир” обладает незаурядными умственными способностями с развитым логическим мышлением. Быстро схватывает и понимает новое. Образованный, эрудированный, начитанный. Свободно владеет немецким и французским языками.

Исключительно доминантный и властный человек с ярко выраженными лидерскими наклонностями. Веселый, жизнерадостный. Самоуверенный и самонадеянный. Эгоцентричный и капризный до эгоизма. Легко нарушает правила общественной морали и бравивирует этим. Из принципа никогда не говорит правды.

Склонен к лицедейству и перевоплощению. Умеет использовать актерское мастерство во вред окружающим. В спорах красноречив и убедителен, способен навязать оппоненту свою точку зрения.

В поведении присутствует безусловная ориентация на успех, в выборе средств его достижения неразборчив и вероломен.

ВЫВОД ПО МЕМОРАНДУМУ

В секретной работе надежен и аккуратен, весьма предприимчив. Может быть использован в качестве агента-вербовщика».

«САПФИР»: СОВМЕЩЕНИЕ ДВУХ ДРЕВНЕЙШИХ ПРОФЕССИЙ

По указанию руководства Охранного отделения «Сапфир» покинул «Императорское человеколюбивое общество», поступил на службу в Министерство внутренних дел и был откомандирован на учебу в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий.

На что агент ответил, как и подобает примерному адепту:

«Приемлю, благодарю и ни мало вопреки глаголю!»

И вновь каприз судьбы: Манасевич-Мануйлов, будучи по крови и по убеждениям законченным приверженцем иудаизма, вопреки логике, в январе 1901 года направлен в Ватикан, где становится защитником православных интересов при главе католической церкви. Вот тогда-то ему удалось ухватить Бога за бороду!

Там, в центре католицизма, участвуя в решении профессиональных проблем, он попутно развил бурную шпионскую деятельность. Внедрился в редакцию газеты «Avanti!» – орган социалистической партии Италии, – завербовав массу журналистов в качестве агентов или секретных сотрудников (сексотов).

Одним из агентов влияния, состоявшим у него на связи, был не кто иной, как главный редактор «Avanti!», будущий диктатор Италии Бенито Муссолини собственной персоной!

Кстати, Муссолини уже тогда подписывал свои донесения псевдонимом «Дуче» (вождь, предводитель).

* * *

«Товарищи по оружию» считали, что у Мануйлова преобладает один ген – ген удачи-восты.

«Везунчик, – говорили они, – Богом помазанный, удачей помеченный. Там, где другие втрое сил вкладывают, а служебного продвижения чуть, ему валом валит...»

Однако руководство Охранного отделения не разделяло этих взглядов, считая «Сапфира» исключительно работоспособным, а потому плодовитым агентом-вербовщиком.

Завистники вешали на Ивана Фёдоровича собак, а начальство – ордена. И он благоклонно, как вердикт судьбы, принимал и то и другое.

Деятельность Манасевича-Мануйлова в Ватикане была высоко оценена, о чем свидетельствуют полученные им награды: орден Льва и Солнца и орден Св. Изабеллы.

ПРОЩАЙ, ВАТИКАН!

Оскар Уайльд прозорливо заметил: «Чтобы удержаться в великосветском обществе, надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать людей».

Манасевичу-Мануйлову с его безграничным тщеславием и высокомерием более по душе пришлась последняя установка: «возмущать».

Целый шлейф скандалов следует за «Сапфиром» в Ватикане.

И, как результат, 4 сентября 1901 года в Санкт-Петербург поступает агентурное сообщение о том, что «...на собрании русских и польских социал-демократов решено сделать российскому дипломатическому представителю при Римской курии Манасевичу-Мануйлову, гомосексуалисту, шпиону и начальнику заграничной политической агентуры, публичный скандал в пределах всей Западной Европы, выпустив для этого особую книгу о его похождениях...»

И такая книга под громким названием «Русский Рокамболь» вскоре вышла. В ней весьма красочно были расписаны «подвиги» Манасевича-Мануйлова на ниве шпионажа и бытового беспутства.

Особо была подчеркнута его страсть к стяжательству и мздоимству. Он часто задерживал платежи агентам, состоявшим у него на связи, пуская в оборот предназначавшиеся им деньги, а порой просто обсчитывал их.

Обманутые секретные помощники устраивали скандалы, обивали пороги российского посольства и консульства и даже поколачивали своего оператора на явочных квартирах.

Однако Иван Фёдорович был неисправим. На злобу момента он откликнулся, озвучив свое жизненное кредо двумя афористичными фразами:

«Каждый обрабатывает задание в меру персональных способностей и личной подлости».

И еще:

«Мне решительно наплевать, стану ли я миллионером. Главное – жить как миллионер!»

Руководство Охранного отделения, которое весьма высоко ценило сноровку «Сапфира» в качестве своего засекреченного сотрудника, считая, что он – один из немногих, кто умеет из «пронырливого браконьера сделать отличного егеря», вынуждено было перевести его из Ватикана во Францию. Там он принял от генерала Петра Рачковского парижскую резидентуру Охранки.

В Париже Манасевич-Мануйлов превратился в настоящего охотника за головами – вербовщика, – но, как и полагается по должности шпиону, прятался под ширмой человека с десятком лиц: распутник, повеса, игрок, скандалист, бонвиван, интриган и чревоугодник.

Успешно играя на «чужом поле», он возглавил созданную на деньги Охранки газету «Lazevue Russe» и занялся тотальной вербовкой французских журналистов из различных изданий, фактически став главой закордонной агентуры Охранного отделения. Да с таким блеском, что в личном деле агента «Сапфир» вскоре появилась запись:

«Государь Император Всемилостивейше соизволил причислить коллежского асессора Ивана Мануйлова к дворянскому сословию и пожаловать оному орден Св. Князя Владимира».

«Сапфир» был человеком вулканического темперамента, и, несмотря на то, что таинственный мир шпионажа требовал от него всецелой отдачи, он находил время и для сексуальных забав и для занятия журналистикой.

Так, много лет спустя стало известно, что Манасевич-Мануйлов выступил соавтором наделавшего много шума скандального антисемитского опуса «Протоколы сионских мудрецов»².

И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, И ПРЕДТЕЧА...

Необходимо отметить, что в использовании издания «Lazevue Russe» в качестве «крыши» – учреждения прикрытия – и в деле проведения разведкой царской России «активных мероприятий» – дезинформации – в полную силу проявились новаторские дарования «Сапфира» и его интригательный ум. Ведь до него никто ничего подобного не пытался сделать.

Таким образом, Манасевича-Мануйлова обоснованно можно считать первооткрывателем в отдельных методах деятельности современных спецслужб.

За доказательствами далеко ходить не надо. Начиная с середины 1960-х и КГБ, и ЦРУ умело использовали некоторые наработки Ивана Фёдоровича, как то: проталкивание в общественное сознание выгодной им информации через купленные на корню редакции зарубежных газет и журналов в целях оказания давления на правительства и деловые круги иностранных государств.

А по части создания «крыш» для своих разведчиков Комитету госбезопасности среди спецслужб планеты не было равных. К примеру, использовались такие структуры, как Советский комитет защиты мира, ТАСС, Агентство печати «Новости», «Известия».

...Прожив бурную жизнь неумного скандалиста, удачливого шпиона и авантюриста транснационального калибра, свой земной путь Манасевич-Мануйлов закончил как заурядный контрабандист.

В 1918-м в районе Выборга при попытке нелегально перейти границу с Финляндией, имея при себе партию золотых украшений работы Фаберже, он был застрелен российскими пограничниками.

ВЕРБОВОЧНЫЕ НАРАБОТКИ «САПФИРА» ИСПОЛЬЗУЕТ НКВД

В 1914 году Муссолини был исключен из социалистической партии, в 1919 году он основал фашистскую партию, а в 1922-м при содействии монополий, монархии и Ватикана он захватил власть и установил в Италии фашистскую диктатуру.

25 октября 1935 года, вслед за официальным оформлением агрессивного военно-политического союза фашистской Германии и Италии, так называемой «Оси Берлин – Рим», Сталину стало ясно, что эти государства стали на путь подготовки и развязывания Второй мировой войны. Поэтому он лично приказал начальнику 4-го Управления НКВД генерал-лейтенанту Судоплатову провести активные мероприятия в отношении Муссолини, то есть запустить такую дезинформацию, которая скомпрометировала бы последнего в глазах Гитлера.

– Нет ничего проще, товарищ Сталин! – бодро ответил Судоплатов

² «Протоколы сионских мудрецов» – книга, в которой группа анонимных авторов-антисемитов выступает против иудеев, ратуя за пренебрежительное отношение к евреям в быту, правовой дискриминации, за геноцид, вплоть до еврейских погромов. Авторы сознательно и открыто направляют социальное недовольство всех классов общества против евреев, обвиняя последних во всех бедах мира.^В современной России «Протоколы» переиздавались не только отдельными «патриотическими» изданиями, но и выходили в толстых литературных журналах, во главе которых стояли такие светила русской словесности, как Валентин Распутин.

– То есть?

– С 1902 по 1914 год наш фигурант представлял письменные донесения царской охранке. Сейчас они в архиве НКВД...

– Сделайте так, чтобы фотокопии его донесений оказались на столе Гитлера!

Как только сведения о работе Муссолини на царскую Россию были доведены до Гитлера, последнего охватила безудержная ярость.

В бешенстве он избил ногами своих любимых доберманов, разбил пару китайских ваз, наконец, брызжа пеной изо рта, приказал адъютанту немедленно доставить Муссолини в Берлин, на каком конце света тот бы ни находился.

Встреча фашистских поделщиков была бурной и продолжалась более двух часов.

В итоге Муссолини, чтобы загладить свою вину перед братом-душегубом, вынужденно уступил часть территорий своих колоний в Африке и гарантировал участие не менее 10 полностью укомплектованных и вооруженных итальянских дивизий в военных акциях вермахта.

Вместе с тем холодок отчуждения и недоверие к Муссолини у Гитлера притупились только с началом войны против Советского Союза.

Глава вторая

Стяжатель в роли тираноборца

Историки считают, что революционное движение в Европе конца XIX века расширило понятие шпионажа, внося в него элементы политики. Если раньше двойные агенты, работавшие в интересах государств или властных структур, в стремлении обогатиться были аполитичны, то с начала 1900-х они шпионили за товарищами по партии, а свою страсть к наживе маскировали политическими убеждениями, коих в действительности не имели.

Подлинным виртуозом указанного шпионского промысла являлся двойной агент-провокатор, в революционных кругах известный как «инженер Азиев», «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич» или «Толстый».

Мало кто знал, что под этими кличками скрывался один человек – Азеф Евно Фишелевич. Лишь единицы – его полицейский псевдоним «Раскин». Годы спустя преступный промысел оборотня станет притчей во языцех, а его имя – нарицательным.

Следуя принципу «двойной лояльности», Азеф одновременно выступал и агентом полиции, и тираноборцем, то есть, ловко балансируя между Боевой группой эсеров и стражами Охранки, продавал последним информацию и своих «коллег по борьбе».

Другими словами, реализуя свое кредо «ласковый теленок двух маток сосет», Азеф брал деньги и у Департамента полиции, и у партии социалистов-революционеров.

ЭКСПОНАТ КЛИНИКИ ПРОФЕССОРА АДЛЕРА

Через год учебы в Политехническом университете Карлсруэ студент из России Евно Азеф из-за душевных терзаний утратил ценнейший дар жизни – оптимизм.

Просыпаясь среди ночи от тревожного сердцебиения, он не мог отогнать от себя черные мысли. В бешенстве, в бессилии кусал наволочку подушки, не в силах смириться с ничтожностью места, которое уготовила ему судьба.

Иллюзорные планы по преодолению пропасти между ним, бедным евреем-простецом, и обучающимися в университете отпрысками родовитых семейств сменялись кровожадными прожектами мести студентам-соотечественникам, имевшим недоступные ему материальные блага.

Душевные муки от сознания безысходности усиливались, когда он видел свое лицо в зеркале – истый Квазимодо! Из-за отталкивающего «экстерьера» проститутки брали с него двой-

ную плату, и каждый поход в публичный дом на неделю лишал его обеда. А поскольку до продажных ласк был он *зело* охоч, то и голодал часто. На этой почве у Евно возникла неодолимая жажда наживы, ибо деньги сулили сытость и наслаждения.

Психологический портрет нашего героя будет неполным, если не сказать о его отвращении к общественно полезному труду в любых его проявлениях, о завышенной самооценке и непомерном тщеславии, которое подталкивало его окунуться в водоворот великих событий и пристегнуться к великим именам, а пристегнувшись, в знак мести вытереть о них ноги...

Словом, если бы родоначальник теории «комплекса неполноценности» профессор психиатрии и психологии Альфред Адлер был знаком с фобиями Азефа, он демонстрировал бы его на своих лекциях как наглядное пособие.

ВЕРБОВОЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ

Осенью 1893 года Азеф, чтобы изменить ход судьбы и, наконец, выбраться из безденежья, отправил в Департамент полиции письмо, где сообщил о планах студентов-россиян совершить ряд враждебных акций против властей Империи. Послание закончил заверением в преданности Царю и Отечеству и в своем твердом желании стать платным осведомителем.

Директор Департамента полиции генерал-лейтенант Петров Н.И. рвение корреспондента оценил и, увидев в нём потенциального предателя высокого полета, приказал вызвать его в Санкт-Петербург на вербовочную беседу.

Спустя месяц Азеф целовал перстень полицейского вельможи, который на последующие три года станет его повелителем и благодетелем.

На встрече, проходившей *tet-a-tet* на явочной квартире для приема ценных секретных сотрудников (сексотов), генерал Петров без предисловий выложил перед Азефом бланк с машинописным текстом:

ПОДПИСКА О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

«Я, Евно Фишелевич Азеф, обещаю и клянусь перед Всемогущим Богом и Святым Его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства буду тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашёл их.

Равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде или по другому какому-либо противозаконному поводу.

Всё, что на меня возложится или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою ничего, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг.

Всё сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь Бог, в сей равно и в будущей моей жизни.

Если же окажусь я преступником против сей клятвы, да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник.

Присвоенный мне псевдоним *Раскин* обязуюсь хранить пуще зеницы ока.

Во уверение чего и подписуюсь _____ (Азеф)».

Когда Азеф заверил своим рукоприкладством подписку о сотрудничестве, Директор отработал ему первое задание: сменить политический окрас и из либерала превратиться в убежденного террориста.

– Ибо есть опасение, – пояснил он, – что уцелевшие члены разгромленной «Народной воли» могут возобновить в России террористическую деятельность. Посему вы должны стать своим среди чужих и проникнуть в их планы...

– Я таки готов, ваше превосходительство! – на радостях новоиспеченный агент оборвал генерала, но тот, пропустив мимо ушей возглас, с пафосом изрек:

– Я распорядился поставить вас, то бишь господина Раскина, на денежное довольствие. Согласно ему, вы ежемесячно будете получать 50 рублей³...

От полицейских щедрот Азефа бросило в жар и в пот, что не ускользнуло от бдительного ока Директора.

«Интересно, – подумал он, – его соплеменник Иуда также вспотел, когда получил 33 сребреника?»

Мысль развеселила, и Директор бодро произнес:

– 50 рублей в месяц – это, Евно Фишелевич, лишь начало...

– Ваше превосходительство, хотя вы опять пошли с козырей, но я таки люблю, щоб меня называли Евгений Филиппович... – надув губы, сказал Азеф.

Чтобы осадить наглеца и показать ему, что полиции наплевать на то, что он любит, генерал тоном Понтия Пилата, огласившего смертный приговор Христу, сказал, как гвоздь вбил:

– На какое бы имя вы ни претендовали, размер жалованья будет зависеть не от имени, а от вашего усердия, ибо с каждого предотвращенного по вашему сигналу покушения на члена Царской семьи или государственного служащего ваша зарплата будет увеличиваться – слово генерала!

– Ваше превосходительство, вы таки не подумайте, шо я бегу впереди паровоза, но как насчет черты оседлости? – теперь Азеф был сама покорность.

– Всё уже решено... Я приказал зачислить вас в гильдию печников при Петербургской палате ремесел и прописать в Северной столице. Теперь вы – не недоучка из еврейской слободки Ростова-на-Дону, а представитель уважаемой профессии с постоянным адресом, поэтому черта на вас не распространяется. С сего дня ничто не мешает вам выполнять функциональные обязанности нашего секретного сотрудника!

Затем генерал поведал новоявленному сексоту о ратном труде Охранки и проинструктировал по правилам конспирации и способам связи с ним – его оператором. Явку завершил напутствием:

– И последнее на сегодня... Хотя дело наше правое – мы чистим Авгиевы конюшни Империи – нам приходится лавировать между епитимьей и анафемой. Посему запомните наш девиз: «Никогда не думай о себе плохо!»

...Так 4 ноября 1893 года предержавшие власти Российской империи в лице Директора Департамента полиции генерал-лейтенанта Петрова Н.И. правовым актом (подпиской о сотрудничестве) узаконили предательство 24-летнего Евно Фишелевича Азефа, и оно стало доминантой всей его последующей жизни.

Генеральское же напутствие он мысленно повторял всякий раз, когда творил дела свои богопротивные.

ВАРЯГ В СОБРАНИИ ОФИЦЕРОВ ПОЛИЦИИ

В 1896 году в Саратове из нескольких уцелевших при разгроме «Народной воли» кружков был создан Северный союз социалистов-революционеров.

Его тактическая программа сводилась к проведению террора в сочетании с революционной агитацией. В 1897 году боевое ядро Союза перебралось в Москву и приступило к подготовке террористических акций.

³ Огромная сумма в те годы: в дорогом трактире Москвы обед (первое, второе, салат, десерт и 100 граммов водки) стоил 30–40 копеек.

Азеф, чей талант пролезть без мыла хоть сквозь Великую китайскую стену известен был всей полицейской рати России, получил приказ лично от главы МВД Горемыкина И.Л. выехать в Москву и влиться в ряды Союза.

В Первопрестольной Раскина принял на связь начальник Московского охранного отделения надворный советник Зубатов Сергей Васильевич.

...Родившись в 1864-м в Москве, в семье офицера, он в 18-летнем возрасте стал участником кружка, исповедовавшего идеи, близкие народофильским. И хотя никакой угрозы государственному строю их собрания не представляли, но поскольку дело происходило после убийства императора Александра II, то директор гимназии счел за лучшее отчислить всех членов кружка.

Год спустя Сергей женился на дочери офицера Анне Митиной и превратил библиотеку тестя в клуб, где устраивались политические диспуты и хранилась запрещённая литература.

В 1885 году Сергея арестовали, и полгода он провел в тюрьме. Последний допрос вёл начальник Московского охранного отделения ротмистр Бердяев, мастер изощренных плутней и знаток юношеской психологии. Он не стал растекаться мыслью по древу, а, положив руку Сергею на плечо, почти ласково сказал:

«Сергей Васильевич, вы – сын и зять офицера, поэтому офицерская честь для вас не абстрактное понятие. И всё-таки наибольшее чувство вины и стыда испытываете не вы – ваши родные.

Да-да, им стыдно вдвойне – за вас и за себя! И сегодня все вы теряетесь в догадках, как завершится ситуация, в которую вы угодили. На мой взгляд, есть три варианта ее завершения...

Первый – оказаться на каторге и, значит, обесчестить имя своего отца и тестя. Второй – застрелиться, чтобы не позорить род Зубатовых и Митиных!»

С этими словами Бердяев извлек из кобуры табельный «Smith & Wesson», вынул из барабана патроны, кроме одного, и положил револьвер перед Сергеем.

«И, наконец, третий вариант: помочь мне разоблачить ваших товарищей.

О вашей помощи буду знать только Я – слово офицера! А вести себя с вами я буду, как с любимой женщиной, с которой состою в нелегальной интимной связи...

Я буду беречь вас, как зеницу ока, потому что один мой неосторожный шаг, и вы будете расшифрованы и... опозорены. А это не входит в мои планы. Словом, выбирайте!»

...Так 13 июня 1886 года Сергей Зубатов, вольнослушатель Московского университета и служащий Центральной телеграфной станции, был завербован Департаментом полиции в качестве платного агента внутреннего наблюдения.

Следующие три года он исправно исполнял свои обязанности, и «наверху» его оценили соответствующим образом: едва он перестал представлять интерес для полиции в роли агента, его приняли в штат, причем сразу на должность помощника начальника Московского охранного отделения.

Однако к офицерскому званию Зубатова не представили. А всё потому, что профессия агента (даром что прошлая!) у офицеров Департамента полиции вызывала жгучее презрение, переходящее в отторжение.

И пусть ты умница и ярый приверженец режима, и даже гениальный создатель подконтрольных Охранке профсоюзов, всё равно в офицерском собрании ты нерукопожатен.

Карьеру в полиции Зубатов завершил в 1903 году. Известие об отречении императора Николая II получил 15 марта 1917 года, сидя за обеденным столом. Мгновенно осознав, что не сможет вписаться в поворот Истории вне самодержавия, он прошел в свой рабочий кабинет и выстрелил себе в сердце из наградного «браунинга».

...Признание пришло много позже. В наши дни наработки С.В. Зубатова используют все спецслужбы мира при отслеживании настроений в обществе и манипулировании ими.

АГЕНТ НА ВЕС ЗОЛОТА

Как только Азеф познакомился со всеми членами Союза в Москве, добыл список связей, конспиративные адреса и пароли, начались поголовные аресты. Проводились они исключительно с его одобрения и по согласованию с ним, чтобы исключить его расшифровку как наводчика.

Полицейскими облавами вместе с Зубатовым руководил генерал-лейтенант Добржинский, новый Директор Департамента полиции. Завершив разгром Союза, он высоко оценил работу Раскина, назвав его «образцовым секретным сотрудником».

Интригательный ум Азефа мгновенно подсказал, как обратить в свою пользу генеральскую блажь – вербальную похвалу превратить в материальную субстанцию. Со слезой в голосе он произнес:

«Господин генерал-лейтенант, прошу вашей помощи, ибо из-за скудной зарплаты я таки вынужден питаться Святым Духом и Солнечной Энергией. Хочу заметить, ваше превосходительство, что при таком некошерном рационе, до разгрома еще одного Союза я таки не дотяну!»

Ложь! Жил Азеф припеваючи, ежемесячно получая 200 рублей (конверт с двумя «катеньками» – кредитными билетами с ликом Екатерины II, каждый номиналом в 100 рублей), за предотвращенные по его наводкам теракты на государственных чиновников.

В деньгах он стал нуждаться, поскольку сверх своей традиции чинить набеги в бордели и питейные заведения пристрастился к карточным играм и часто проигрывался в пух и прах.

...Слезы Азефа возымели действие, и Добржинский назначил ему зарплату в 500 (!) рублей.

Так дорого российской казне еще не обходились услуги полицейского агента, и низшие чины и филеры охранных отделений обеих столиц заклеямили Директора как «волонтериста».

Зубатов С.В., столп политического сыска, тот и вовсе решил саботировать выплату заявленной Добржинским суммы. Но сначала он опробовал свое оружие (аргументы) в открытом поединке с Азефом.

ОТПОВЕДЬ

На явке Зубатов протянул агенту традиционный конверт с жалованьем, где лежали только две «катеньки».

– Это противоречит тому, что назначил действительный статский советник Добржинский! – заявил Азеф и отказался расписываться в ведомости на получение зарплаты.

Нет, он не собирался доказывать Зубатову, что он не мальчик, подающий мячи на поле, а самостоятельная личность, добытчик информации, коего ценят на самом верху полицейской пирамиды. Гражданский же чин Добржинского упомянул не для того, чтобы «уесть» своего оператора, подчеркнув разницу между его гражданским чином «надворный советник» и чином Директора Департамента. Отнюдь! О противоречии Азеф заявил, лишь желая получить 500 рублей. Сегодня и впредь.

Однако Зубатов был нацелен на победу, поэтому стал убеждать агента, что шансов на увеличение жалованья у него нет.

– Евгений Филиппович, ученые всей планеты вот уже кои веки безуспешно бьются над вопросом, что первично – курица или яйцо, яйцо или курица? Похоже, тот же вопрос возник и у вас: что первично – добытые вами сведения или наши деньги, наши деньги или ваши сведения?

Действительно, наши с вами отношения – закольцованная конструкция, и невозможно определить, «где круга этого начало, где конец». Вместе с тем, без наших денег не было бы

вашей информации, то есть вы бы не стали напрягаться, если бы мы вам не платили. Разве не так?

Следуя этой логике, смею утверждать, что в вашем конкретном случае первичными являются наши деньги, а ваши усилия и представленная вами информация – вторичны.

Вы – умный человек, Евгений Филиппович, и, поразмыслив над моими словами, придете к выводу, что прав Я.

Кроме того, хочу напомнить вам, что не генерал Петров первым сделал шаг навстречу, нет! Вы написали письмо и предложили свои услуги – это раз! Во-вторых, он ничего не навязывал вам, ни к чему вас не принуждал. Разве не так?

Николай Иванович лишь высказал пожелание овладеть определенными сведениями о некоторых персоналиях, носителях зла, с которым мы сообщаем, хотя и каждый на своем месте, боремся, и вы в ответ стали поставлять ему информацию...

Да, некоторое время вы находились в «свободном поиске» – честь вам и хвала, что тот период вы закончили с блеском. Но время «коротких штанишек» для вас закончилось, и теперь вы замыкаетесь на меня...

Я предвидел, что со временем, вкусив от запретного плода – получив в свое распоряжение большой объем свободных от налогообложения денег, – ваш аппетит разгорится. Я не ошибся, вместо 200 рублей вы требуете 500, посему я заявляю: не надейтесь!

Да и зачем вам такие деньжища? Чтобы промотать на танцовщиц-кокоток и шансонетных певиц в европейских вертепах и в питейных заведениях? Мне не раз докладывали о вашем низкопоклонстве Эросу и Бахусу. Любить и пить, Евгений Филиппович, надо в меру!

– Я таки однажды заглянул в Толковый словарь, – процедил Азеф, – и узнал, что русская мера – это единица объема, равная 26 литрам. Нормально, Сергей Васильевич?

...В спор между агентом и оператором по просьбе генерала Добржинского вмешался министр внутренних дел П.Н. Дурново.

Зубатов уступил, сказав:

«Русь не разорилась, столько лет выплачивая оброк Золотой Орде, а уж от 500 рублей в месяц для сексота не обеднеет и подавно!»

Свое слово сказал и Азеф:

«Мне таки наплевать на мнение евнуха о любви и трезвенника о вине!»

Однако порочным страстям теперь он предавался в столицах Западной Европы, где не было зубатовских соглядатаев.

ВСЕ СРЕДСТВА ХОРОШИ, НО НАЛИЧНЫЕ – ЛУЧШЕ!

Шпионский промысел Азефа-Раскина настолько искусно переплелся с террористической деятельностью, что ни у его «кукловодов» из Департамента полиции, ни у коллег-революционеров не возникало ни малейшего сомнения в его преданности и честности.

Об этом, с одной стороны, свидетельствовало полицейское жалованье Азефа, составлявшее (!) 1000 рублей в месяц; с другой – кооптирование его в состав ЦК партии социалистов-революционеров.

А между тем Азеф, как тот кот, не только гулял сам по себе, но и тайком ловил мышей – набивал кошелек и за счет полиции, и за счет партийной кассы.

Впервые это проявилось, когда он возглавил Боевую группу – особое звено партии эсеров, нацеленное исключительно на совершение терактов.

Так, убийство министра внутренних дел Плеве обошлось эсерам в 30 тысяч рублей, значительную часть которых присвоил Азеф.

По тому же поводу Департамент полиции выплатил ему 5 тысяч рублей за... сигнал о готовящемся убийстве.

Но наиболее щедро эсеры оплачивали охоту на Царя.

Из 300 тысяч рублей, украденных в Государственном казначействе, 100 тысяч они вручили Азефу для внедрения его «новаторских технологий», касающихся убийства Николая II.

Внедрив их, можно было либо разбомбить Зимний дворец с самолета, либо утопить царскую яхту, торпедировав ее специально изготовленной подводной лодкой.

Подав идею, Азеф становился единоличным распорядителем кредитов для ее реализации. А денег на самолет и на подлодку требовалось немерено! В донесениях же полицейскому начальству Раскин доказывал, что целью его «антицарских» проектов является опустошение партийной кассы эсеров.

Со временем суммы, выручаемые Азефом при обмане эсеров, стали столь значительны, что он уже не просил полицейское начальство повышать ему жалованье – хватало революционных денег.

«Заработанные непосильным трудом», они оказывались на его счетах в банках Монте-Карло, Ниццы и других курортных городов Средиземноморья, где он «оттягивался» по купеческому трафарету, будучи особо привечаемым завсегдатаем роскошных борделей и ресторанов.

И ДУШЕВЕД, И КРЮЧКОТВОРЕЦ...

Среди членов ЦК Азеф слыл самым искушенным в вопросах психологии, поэтому лично отбирал кандидатов в Боевую группу. Действовали эти лихие парни под девизом: «Жизнь всех членов монаршей семьи и любого имперского сановника достойна покушения!»

Результат проведенного Азефом отбора говорил сам за себя – ни один из задержанных бомбометателей не был сломлен на допросах!

Когда же в Боевую группу попытался вступить Александр Керенский, Азефу хватило минутной беседы с будущим главой Временного правительства, чтобы категорически отказать ему.

Проявил себя Азеф и мстительным интриганом.

Сообщив о реально готовящемся покушении на министра внутренних дел Плеве, он не преминул огорошить своего оператора, что и он на прицеле у боевиков. Из-за этого Зубатов отменил всем филёрам Московской охраны отпуска, что привело к противостоянию между ним и подчиненными.

Азеф же убил сразу трех зайцев:

- расквитался с Зубатовым за унижение, испытанное во время «отповеди»;
- получил (всё от того же Зубатова!) благодарность за бдительность;
- вопреки всем ведомственным инструкциям получил благословение на участие в подготовке и (!) в реализации террористических актов.

Вместе с тем, не в силах усмирить свое тщеславие, Азеф не упускал случая продемонстрировать и Департаменту полиции, и «коллегам по борьбе» свою независимость.

Когда в Санкт-Петербурге произошло «Кровавое воскресенье», он, узурпируя свое монопольное право выбирать объекты для покушений, в обход ЦК приговорил к смерти московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. И 4 февраля 1905 года при выезде из Кремля его карета была взорвана «адской машиной».

Кстати, именно из-за этого покушения Директор Департамента полиции генерал-лейтенант Лопухин А.А., в то время оператор Раскина, был отправлен в отставку.

ЗАСПИРТОВАННАЯ ГОЛОВА

21 декабря (по старому стилю) 1906 года во время торжеств по случаю освящения Императорского института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге неизвестный юноша

сквозь свиту пробился к градоначальнику фон дер Лауницу и, прокричав «Прощайся с жизнью, подлец», выстрелил ему в голову. Затем приставил «браунинг» к своему виску и еще раз спустил курок. Примчавшиеся медики констатировали смерть обоих.

Начальник Петербургского охранного отделения полковник Герасимов приказал выставить гроб с террористом в фойе – вдруг да кто-то из посетителей узнает его.

Через два дня тлетворный запах заполнил всё здание, поток посетителей иссяк, и гроб убрали. Голову самоубийцы отделили от туловища и в колбе со спиртом выставили на обозрение. Но и эта мера результата не дала: никто не знал злоумышленника.

Герасимов, чтобы установить его имя, позвонил Директору Департамента полиции генерал-лейтенанту Трусевичу М.И., тогдашнему оператору Раскина, и попросил прислать его в Санкт-Петербург.

– Я-то не возражаю, – ответил Трусевич, – но как отнесется к контакту с вами господин Раскин – это вопрос! Ибо он привык общаться с операторами в генеральских званиях, а вы, батенька, еще... Простите покорно...

– Присылайте, Максимилиан Иванович, я и не таких обламывал!

...В заспиртованной голове Азеф сразу узнал Кудрявцева, семинариста из Тамбова по кличке «Адмирал».

Поскольку встреча с Герасимовым должна была произойти днем позже, Азеф решил «оторваться на всю катушку». Проснувшись поутру в борделе, обнаружил, что опоздал на явку. И хотя в голове перекатывались бильярдные шары похмелья, план созрел мгновенно.

Предвосхищая упрек Герасимова, Азеф прямо с порога явочной квартиры громко заявил:

– Ваше высокоблагородие, прошу покорно простить... Нет, не меня – брусчатку Санкт-Петербурга!

Под испепеляющим взглядом полицейского полковника он вынул из кармана пальто... каблук от сапога.

– Вот, оторвался о ваши камни... Я опоздал, потому что искал подходящие гвозди – увы, не нашел...

– Гвоздей нет? А вот когда Христа ваши соплеменники хотели распять, то гвозди нашлись! – рывкнул Герасимов и расхохотался.

Хохот полковника напомнил Азефу, что все его операторы поражены вирусом великорусского шовинизма, что его отношения с полицией достигли точки невозврата, и пора уходить либо к Столыпину с его реформами, либо к Ульянову-Ленину с его «Искрой». Нет, не срослось...

КОНЕЦ КРОВАВОЙ ШПИОНОСЕССИИ

В 1908 году Азеф отпраздновал пятнадцатилетний юбилей сотрудничества с полицией. И хотя то были годы вне евангелистских канонов, Азеф чувствовал себя счастливым, поскольку имел жизнь, какую хотел, и судьбу, которую заслужил. Притом, что все его волеизъявления были вредны, аморальны либо преступны.

И вот когда он поверил, что достиг пика славы, всё пошло кувырком.

Нет-нет, случилось это не вдруг – слухи, что он ведет двойную игру, появлялись не раз. Иногда им самим и инспирировались. Однако получить удар в спину от своего бывшего оператора – такой ситуации не мог просчитать даже его изощренный интригабельный ум...

Человеком, сумевшим поколебать веру руководства партии эсеров в Азефа-тираноборца, был профессиональный охотник на агентов-provokаторов Василий Бурцев. Сведения, им добытые, уничтожили бы любого сексота, но в двурушничество Азефа, организатора убийства великого князя Романова Сергея Александровича и главы МВД Плеве, верить отказывались.

В конце концов, Бурцеву удалось невозможное: экс-Директор Департамента полиции Лопухин, у которого Азеф некогда состоял на личной связи, сначала дал интервью, а затем представил подробные письменные показания.

Московские издания под заголовками «Как “лопухнулся” генерал полиции Лопухин» и «Исповедь генерала полиции» опубликовали материалы, в которых Лопухин признал Азефа своим сексотом, шпионившим за членами партии эсеров. Особо генерала возмущало требование «лже-тираноборца» вручить ему военный орден в знак плодотворной работы на Департамент полиции.

В революционных кругах бесконечно долго шли суды и заседали комиссии по делу Азефа, но признать его виновным не решались. А когда в 1909 году его вина была всё-таки доказана, никто из эсеров не взял на себя ответственность казнить предателя.

Азеф воспользовался заминкой и сбежал за границу. Умер от почечной недостаточности в берлинской клинике 24 апреля 1918 года.

Узнав о смерти Азефа, Петр Кропоткин, русский революционер-анархист, сказал: «Если Азеф, этот “сосуд пороков”, по недоразумению попадет в Рай, то и там станет устраивать заговоры и стучать на ангелов апостолу Петру».

Глава третья **Граф Толстой – гений шпионажа**

СКРОЕН ИЗ ПАРАДОКСОВ...

Он – прямой потомок того самого Толстого, соратника Петра I, и родня великого Льва Николаевича. Но поскольку был он внебрачным ребенком графа Толстого Александра Николаевича (родного брата писателя Алексея Толстого), то зарегистрировали его под фамилией матери – Быстролётовой Клавдии Дмитриевны.

Узаконили Дмитрия как сына А.Н. Толстого и вручили графский титул за 5 дней до Октябрьского переворота 1917 года. Но нет – прочь титул и фамилию! Его кумиры Маркс, Ницше, Плеханов, и он уже примкнул к ниспровергателям титулов – к большевикам. Не парадокс ли?

Возможно, в юноше взыграли бунтарские гены матери. Дочь священника Кубанского казачьего войска, она родила вне брака, да еще и от чужого мужа, – то есть восстала против патриархальных устоев общества.

Впрочем, всю свою изобиловавшую парадоксами карьеру Быстролётов неизменно подтверждал репутацию гения шпионажа, которого за руку ведет лично госпожа Удача.

«ЧТОБ МУДРО ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ, ЗНАТЬ НАДО БЫ НЕМАЛО...»

На свет Дима появился 4 января 1901 года в селе Ак-Чора Перекопского уезда Таврической губернии, в родовом имении московского мецената Сергея Аполлоновича Скимунта.

В 1904–1913 годы Дмитрий проживал в Санкт-Петербурге, в семьях друзей отца, в частности, у графини Елизаветы де Корваль, где получил домашнее аристократическое воспитание и образование.

В 1913 году поступил на гардемаринские курсы и до 1917 года обучался в кадетском корпусе Севастопольского мореходного училища. В составе Второго экипажа Черноморского флота участвовал в десантных вылазках на побережье Турции.

В память об одном таком героическом эпизоде Первой мировой войны, когда юноша командовал пулеметным расчетом, он написал акварель «Штурм Ризе» (провинция на северо-востоке Турции).

В 1919 году, окончив классическую гимназию и курсы Мореходной школы в городе Анапа, Дмитрий вольноопределяющимся матросом ходил на судах флота Добровольческой армии «Цесаревич Константин» и «Риони». Но вскоре дезертировал, бежал в Турцию и служил на коммерческих судах иностранных пароходных компаний.

В 1920 году вернулся в Россию и, не найдя занятия по душе, вновь нелегально выехал в Константинополь, где с отличием окончил колледж для европейцев-христиан.

В 1921 году Быстролётов перебрался в Прагу – один из центров белой эмиграции. Там работал грузчиком, плотником, гробовщиком. Скопив денег, поступил на медицинский факультет Украинского свободного университета, а через два года перевелся на юридический факультет.

Даже испытывая жестокую нужду, Дмитрий выкраивал деньги, чтобы оплачивать уроки живописи и графики профессорам Берлинской и Парижской академий художеств.

В огромную сумму ему обошелся абонемент в Национальную библиотеку Чешской Республики. Зато теперь он имел доступ к произведениям Гёте, Данте, Диккенса, Дюма, Сервантеса, Сунь-Цзы, Твена, Уайльда.

Чтобы читать труды классиков мировой литературы в оригинале, он с монашеской неистовостью изучал иностранные языки. Арсенал языков, которыми овладел Дмитрий, впечатляет: 19 европейских, китайский, эсперанто, японский!

В 1923 году Дмитрий, борясь с очередным приступом ностальгии, вступил в университетский «Союз студентов – граждан РСФСР» и получил советское гражданство. Тогда же обручился с победительницей европейского конкурса красоты чешкой Миленой Иолантой Шелмаовой, студенткой медицинского факультета Пражского университета.

...В многообразии увлечений Быстролётова психоаналитики могут найти комплекс неполноты самовыражения. Да, Дмитрий со своими природными талантами и фанатичной преданностью разносторонней деятельности, никак не уместается в привычных рамках, рвётся из них – пишет картины, постигает иностранные языки, изучает юриспруденцию, практикует в медицине. Словом, пребывает в постоянном поиске. И, наконец, находит себя... в шпионском промысле.

А НЕ ПОПРОБОВАТЬ ЛИ СЕБЯ СЕКРЕТНЫМ АГЕНТОМ ОГПУ?

В 1923 году Быстролётов устроился переводчиком в советское торговое представительство в Праге.

Атлетического сложения при росте 183 см, яркой внешности актера Императорского театра и обезоруживающей мальчишеской харизмы, что сочетались с незаурядным умом и светскими манерами, он для работников торгпредства стал воплощением русского аристократа в эмиграции.

В 1920-е годы зарубежные резидентуры Иностранного отдела ОГПУ (ИНО – внешняя разведка) действовали, в буквальном смысле, под крышей советских торгпредств. Помимо предусмотренных трудовым соглашением обязанностей, Дмитрий отдельно для резидента Н.Г. Самсонова перелопачивал иностранную прессу, вылавливая крупницы информации по интересующей его проблематике.

Оценив личные и деловые качества Быстролётова, резидент пришел к заключению, что он полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым секретному агенту.

Самсонов нисколько не преувеличивал достоинства Дмитрия. Секретный сотрудник с его талантами, владеющий 19 европейскими языками, к тому же имеющий аристократическое

воспитание и дар беспроницательного оболъстителя женщин, мог стать форвардом агентурного аппарата любой резидентуры ИНО в Западной Европе.

Из аттестации агента «Граф»

«Умен, эрудирован, начитан. Говорит на 19 европейских языках, а также на китайском, эсперанто, японском.

Искусно владеет лицедейством и техникой перевоплощения, умеет произвести выгодное ему впечатление. Актерский дар успешно использует при выполнении наших заданий.

В дискуссиях красноречив и убедителен, способен навязать оппоненту свою точку зрения.

Самоуверенный и самонадеянный. Имеет вкус к риску и принятию авантюрных решений, обладает богатым воображением.

В поведении присутствует бескомпромиссная ориентация на успех, для его достижения проявляет изобретательность и настойчивость.

Пользуется безусловным успехом у женщин, независимо от их возраста и социального положения. Внешне весьма привлекателен.

Вывод по аттестации:

Вполне надежен. Беззаветно любит Родину. Делу Ленина – Сталина и органов госбезопасности предан всецело. Может быть использован в качестве агента-вербовщика.

*Начальник нелегальной резидентуры
ИНО ОГПУ в Праге Самсонов».*

... ЧТОБЫ В БУДУЩЕМ СТАТЬ ЕГО КАДРОВЫМ СОТРУДНИКОМ!

В апреле 1925 года резидент Самсонов направил «Графа» в Москву для участия в 1-м Всесоюзном съезде пролетарского студенчества. Предупредил, что там ему предстоит общаться с «солидными людьми», чьи предложения он должен «осмыслить самым серьезным образом, не торопясь с ответом».

Действительно, по прибытии в Москву Быстролётов был приглашен на Лубянку, где его встретил шеф Контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Артузов, которого Быстролётов в будущем назовет своим «крестным отцом» в разведке, и помощник начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаил Горб, курировавший агентуру в резидентурах западноевропейских стран.

Влиятельные чекисты, убедившись, что имеют дело с патриотично настроенным интеллектуалом, чьи таланты должно использовать на незримом фронте борьбы за торжество идей коммунизма, сделали Дмитрию официальное предложение работать в разведке.

Быстролётов не заставил себя упрашивать – в Прагу вернулся сотрудником Иностранного отдела ОГПУ с оперативным псевдонимом «Андрей».

... В штат торгпредства «Андрея» зачислили экономистом информбюро. Эта должность служила легальным прикрытием его основной деятельности – разведывательной.

Одаренный бесспорным талантом живописца «Андрей» продолжал брать – с разрешения руководства ИНО – платные уроки у мэтров Берлинской и Парижской академий художеств.

Его энергии хватило и на продолжение учебы в Пражском университете. В 1928-м, защитив диплом по теме «Право и мировая торговля нефтью», а также диссертацию «Проблемы

права в освещении диалектического и исторического материализма», Быстролётов получил ученую степень «доктор права».

ШПИОН «МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПОЛЁТА»

Артузов А.Х. и Менжинский В.Р., первые в руководстве ОГПУ оценившие интеллект, таланты и разведывательный потенциал Быстролётова, вменили в обязанность начальникам резидентур в странах Западной Европы Самсонову, Базарову, Малли, Фельдбину использовать «Андрея» в чекистских акциях исключительно в нелегальном амплуа.

И понеслось.

Являясь бойцом элитарного подразделения разведки, «Андрей», как и должно по статусу нелегалу, был человеком с десятью лицами.

Чтобы сбить с толку органы безопасности дюжины стран на трех континентах, он, используя набор фальшивых паспортов с чужими фамилиями, меняя амплуа и кодовые имена, из Осло мчит в Нью-Йорк, из Вены – в Мехико, из Рима – в Оттаву, из Парижа – в Рио-де-Жанейро, из Берлина – в Буэнос-Айрес, оттуда – в Африку с целью завербовать ценных агентов, которые добудут для СССР новейшие технологии и чертежи современных образцов вооружения.

Межконтинентальные шпионские вояжи «Андрей» разнообразит учебой (с санкции руководства Лубянки по паспорту голландца Тео ван Галлиени) на медицинском факультете Цюрихского университета, и в 1936 году ему присвоят ученую степень «доктор медицины» по специальности акушерство и гинекология.

В том же году он как практикующий врач швейцарской частной клиники сделает (!) научное открытие о регулировании пола будущего младенца при планировании семьи⁴.

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

Быстролётов прослыл в ИНО «медвежатником», умеющим вскрыть любой сейф врагов Советской республики с целью похищения шифров и кодов.

Сразу скажу: заблуждение! Сейфов с чужими секретами «Андрей» не взламывал. Его предназначение – вербовка агентов. На этом поприще он мог дать фору даже резидентам-волкодавам ИНО.

Вербовка – вовлечение имярек в шпионский промысел на правах своего помощника – доставляла Дмитрию высшее наслаждение. Она манила его не только тем, что обеспечивала доступ к секретной политической информации, новейшим технологиям и образцам оружия.

Вербовка давала ему ни с чем не сравнимое чувство самодостаточности и превосходства над вербуемым и над обстоятельствами.

В то же время для многих сотрудников ИНО вербовка граждан Западной Европы была невыполнимой миссией из-за негативного отношения последних к Советской России вообще, и к ОГПУ в частности.

Факт достоверный: в 1920-е годы англичане, немцы, французы и прочие европейцы – представители среднего класса, презирая и отвергая свою правящую элиту, ее внутреннюю и внешнюю политику, при всём том, никогда и ни за какие деньги не стали бы работать на сына сапожника Джугашвили-Сталина или на ксендза-расстригу Дзержинского. Ведь вербовщик обязан раскрыться перед агентом и сообщить о своей принадлежности к конкретной спецслужбе.

⁴ Наибольшую признательность это открытие получило в Китае в 1960-е.

«Андрей» же в любых условиях ловил «золотую рыбку».

Актер от Бога, в совершенстве владевший искусством перевоплощения, бегло говоривший на двадцати языках, перед агентами он выступал «под чужим флагом» – от имени вымышленной спецслужбы и каждый раз в неожиданном амплуа: как художник с Монмартра или юрист из Праги; как венский инженер или врач из Цюриха; как гангстер из Чикаго или греческий коммерсант, не считая множества других обличей, имен и легенд. Их он выбирал в зависимости от ситуации и задания, а уж красноречия ему было не занимать!

Так, выдавая себя за венгерского графа-мота, ищущего куража в элитных лондонских клубах, «Андрей» приобрел там агента, снабдившего его секретами МИД Великобритании.

Выступая в облики английского лорда, завербовал шестерых секретных помощников, передавших ему шифры и коды внешнеполитических ведомств и генеральных штабов Австрии, Германии, Италии, Франции.

Чтобы осуществлять бесперебойную конспиративную связь с «Арно», одного из его сыновей под предлогом изучения языка и получения воспитания пристроили в богатую семью во Франции.

Это позволяло агенту, не возбуждая подозрений у своего руководства, выезжать в Париж, чтобы «гнать информацию» – передавать секретные материалы связнику из московского Центра.

В течение трех лет сотрудничества с «Арно» Иностраный отдел получал английские шифры, коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники зашифрованных телеграмм британского МИД и большой объем другой секретной информации.

...Работа на Британскую корону и одновременно на Серп с Молотом не могла не сказаться на нервной системе «Арно». Чтобы снять стресс, он стал частенько прикладываться к бутылке. Начались запои. «Андрей» поспешил на выручку – устроил агента в престижную клинику и оплатил курс лечения от алкоголизма.

В «завязке» агент пробыл недолго. Запой участились, вызвав возмущение его непосредственного начальства. В конце концов, «Арно» заинтересовалась служба собственной безопасности МИД Великобритании, и в декабре 1933 года его уволили. Во время очередного запоя он свел счеты с жизнью, отравившись бытовым газом.

И тогда в работу были взяты наводки покойного агента на своих коллег, работавших в Лиге Наций, которых он успел «слить» оператору. В 1934 году «Андрей» завербовал под псевдонимом «Маг» шифровальщика британского МИД Сент-Джона Кинга. Он поставлял настолько ценные сведения, что они напрямую докладывались Сталину.

Среди них, например, были тексты телеграмм, отправленные английским посольством в Берлине по итогам переговоров министра иностранных дел Великобритании Саймона с Гитлером и другими нацистскими бонзами.

Сотрудничество «Мага» с ИНО закончилось 2 сентября 1939 года, когда бежавший на Запад высокопоставленный сотрудник ОГПУ Вальтер Кривицкий (настоящее имя Самуил Гинзбург) «сдал» его английской контрразведке (МИ5).

...Все годы работы в Западной Европе основные усилия «Андрея» были направлены на приобретение информации через иностранные источники. С этой целью он создавал предпосылки для вербовочных разработок и лично вербовал представлявших оперативный интерес объектов.

Таким образом, ему удавалось добывать сверхценные сведения по приоритетной проблематике с высшим грифом секретности.

Кстати, многих агентов, состоявших на связи у «Андрея», не рассекретят *никогда*, потому что они – отпрыски августейших семей Западной Европы, даже сегодня продолжающих участвовать в формировании внутренней и внешней политики своей страны.

...По заслугам – награды. В 1930 году Быстролётов Д.А. занял должность оперуполномоченного 1-го отделения Иностранного отдела, элитного и самого засекреченного подразделения ОГПУ (профессионалы прозвали его «гильдией нелегалов»), ему присвоено специальное звание «лейтенант госбезопасности».

В 1932 году его наградили знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ» и вручили именное боевое оружие с гравировкой: *«Без нужды не обнажай, без славы не применяй! Дмитрию Быстролётову за бесстрашие в беспощадной борьбе с контрреволюцией от Коллегии ОГПУ».*

НЕЛЕГАЛ: БЕЗ ПРАВА БЫТЬ СОБОЙ

Оценив успехи «Андрея» на разведывательном поприще, руководство ИНО приняло решение направить его в Москву на учебу в Академию внешней торговли.

В последний момент учебу пришлось отложить – для работы в Берлине понадобился сотрудник, которому предстояло действовать исключительно с нелегальных позиций. Ну а поскольку на появление в штате ИНО такого же талантливого мастера-универсала, каким был Быстролётов, рассчитывать в обозримом будущем не приходилось, то предложение сделали именно ему.

...В те годы Берлин считался шпионской столицей Западной Европы, а торгпредство СССР – мозговым центром действовавшего на континенте ИНО. Управлял центром старший майор госбезопасности (что приравнялось к общевоинскому званию «генерал-майор») Лейба Лазаревич Фельдбин (оперативный псевдоним «Швед»), выступавший под прикрытием сотрудника торгпредства Фельделя Льва Лазаревича.

Согласие «Андрей» дал безоговорочно, хотя, будучи дипломированным специалистом международного права, отдавал себе отчет, что может ожидать его в случае провала.

Перед властями Германии он как разведчик-нелегал был абсолютно незащищен. После ареста, не оглашая факта события, его могли бросить в тюрьму, подвергнуть допросам третьей степени, то есть применить пытки, а то и тайно, а значит, безнаказанно, ликвидировать.

Даже узнав, что он заключен под стражу (что маловероятно), посольство СССР не смогло бы ему помочь, разве что при помощи надежного посредника нанять толкового адвоката.

В случае осуждения за шпионаж, а сроки за этот вид преступления самые длительные, нелегалу лишь остается уповать, что ему когда-нибудь организуют побег. Что весьма проблематично, ибо на шпионской войне не спешат выручать из неволи тех, кому не повезло, как бы высоко их ранее ни превозносили и ими ни восторгались.

...Вопреки всей правде о «расстрельной» доле нелегала, действующего в Берлине, «Андрей» от сделанного выбора не отступил. Гарантию собственной неуязвимости он видел в том, что работать ему придется под началом героя Гражданской войны, искусного разработчика стратегии чекистских операций, мудрого наставника молодой поросли Иностранного отдела, наконец, человека редкого ума и чувства юмора Фельдбина Л.Л.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЛЫСЫХ

В течение всего периода закордонной нелегальной работы Быстролётов доказывал генералам Лубянки, что хотя он и дисциплинированный солдат, но не бездумный исполнитель их приказов, а имеет свой, сугубо творческий, подход к планированию и реализации многослойных оперативных комбинаций.

Особо наглядно это проявилось, когда он возглавил группу агентов, состоявшую из граждан разных стран Западной Европы, которые лично им были привлечены к работе на советскую разведку.

Именно во время подготовки и осуществления ими совместных операций раскрылись черты многогранной личности Дмитрия Александровича – он то представлял неиссякаемым генератором идей, то виртуозным исполнителем изящных психологических этюдов, а то и мудрым руководителем, на несколько ходов вперед просчитывающим ситуацию.

...Берлинский кабачок «Гурман», что на Александер-плац, имел свою неповторимую специфику – интерьер, службу и кухню, которая была богаче, чем у конкурентов: паштет из мозгов страуса, павэ' де фуа-гра, мидии по-провансальски, лобстер и жареные королевские креветки в лимонном или чесночном соусе, устрицы без раковин с лаймом, ризотто с белыми трюфелями.

Из напитков – шампанское «Дом Периньон», изысканные французские коньяки, отборные итальянские и рейнские вина, шотландский и ирландский виски.

Цены солидные, публика – им под стать: банкиры, крупные коммерсанты. Завсегдатаи меж собой фамильярно называли кабачок «харчевней», где всегда можно найти свободное местечко и часок-другой расслабиться в атмосфере уюта, покоя, доброжелательной предупредительности элегантного кельнера и безотказного тапера – были бы деньги.

Харчевня вмещала десять столиков. У входа стоял древний рояль «August Forster», за ним сидел его ровесник и тезка, тапер Август Штюбе, чья память хранила сокровищницу мировой фонотеки. «Андрею» не доводилось слышать, чтобы тот, в ответ на просьбу сыграть какую-нибудь мелодию, развел руками и сказал: «Я это не умею».

Публика с восторгом и глубоким почтением принимала и старика, и его музыкальную эрудицию. Штюбе платил ей той же монетой – со всеми был одинаково приветлив, весел и остроумен. Нередко посетители предлагали ему выпивку. Он охотно принимал угощение, но пьяным его никогда не видели.

Сотрудники резидентуры ИНО, действовавшей по чекистской традиции «под крышей» торгпредства, использовали харчевню не только для встреч с агентами из числа западноевропейской финансовой и бизнес-элиты, но и для проведения более замысловатых оперативных мероприятий.

Вот и в этот раз «Андрей» собирался организовать подставу⁵ своего агента экстра-класса «Франц» объекту оперативной разработки, некоему Клюге, имевшему тесные связи, в том числе и родственные, среди лидеров НСДАП. Вербовка любого из них сулила мгновенный взлет по карьерной лестнице.

* * *

Клюге был бабником, гурманом и меломаном. «Андрей» затруднился бы ответить, какому из трех пристрастий этот сексоголик и обжора отдает большее предпочтение, – каждую субботу он совершал набег в харчевню с очередной юной подружкой, чтобы вместе с нею опустошить гастрономический и винный склады «Гурмана», а заодно окунуться в волны музыкальной классики XIX века в исполнении Штюбе.

Согласно оперативному плану, «Франц» в ближайшую субботу должен посетить харчевню и, заказав любимую музыкальную тему объекта, затеять дискуссию с ним.

В споре агент, согласно отработанной «Андреем» линии поведения, намеренно допустит мелкие ляпы, на которые Клюге неизбежноотреагирует. Тщеславный и хвастливый всезнайка,

⁵ Подстава – один из оперативных приемов секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО). Подстава имеет одно неоспоримое преимущество: объект входит в контакт по доброй воле и агенту остается лишь не отвергнуть его. Это тем более важно, если объект по складу характера или в силу своей профессии постоянно находится начеку. Подстава – не самоцель, а промежуточное звено в цепи планируемых мероприятий. Если она имеет положительную перспективу развития, спецслужба переходит к осуществлению следующего этапа разработки: к вербовке, к вводу в разработку другого агента и (или) оперативного сотрудника или к компрометации.

он не упустит шанс блеснуть познаниями в истории музыки, хотя бы для того, чтобы произвести впечатление на свою спутницу и возвыситься в ее глазах, а, значит, вынужденно пойдет на контакт с агентом.

Кстати, в этом и заключается соль операции подставы: агент, вызвав огонь на себя, вынуждает объекта войти с ним в контакт. Ни в коем случае агент не должен навязывать знакомство объекту, нет! Ибо это – брак, недопустимый в оперативной практике.

После установления контакта «Франц» должен совместной выпивкой закрепить знакомство с объектом.

* * *

За полтора часа до начала мероприятия Быстролётов заглянул в харчевню, чтобы ознакомиться с обстановкой. В тот же миг у его стола возник Бруно, кельнер и по совместительству осведомитель криминальной полиции Берлина.

Немец, знавший «Андрея» как швейцарского дипломата, то ли в надежде услышать от него нечто такое, чем он сможет порадовать свое полицейское начальство, то ли просто из уважения к иностранному гостю, иногда оказывал разведчику мелкие услуги. Как бы там ни было, оба испытывали друг к другу симпатию и приятельские чувства.

Сделав заказ, «Андрей» спросил, много ли посетителей будет вечером.

– Очень много!

– Откуда такая информация? При нынешней погоде все должны после трудового дня двинуть к Вандлитзее (озеро, место отдыха берлинцев). Ведь прогноз не предвещает дождя...

– Прогноз лжет. Правду говорит мой радикулит. Надвигается гроза! – назидательно произнес кельнер и исчез на кухне.

В том, что радикулит Бруно был точнее барометра, «Андрей» убеждался не раз. Плохо другое: если харчевня будет набита битком, подстава сорвется. Ведь для маневра нужен оперативный простор, и каждое слово «Франца» должно быть услышано объектом. Н-да, не было печали... Срочно надо что-то придумать. А что, если...

– Слышал новость? – спросил «Андрей», когда кельнер вернулся с заказом.

– О какой новости идет речь?

Бруно при всём его внешнем лоске был парнем недалеким. У таких, как он, домашняя библиотека обычно состоит из двух книг: Библии и телефонного справочника. Всю информацию о событиях в стране и в мире Бруно черпал в общении с клиентами. Он верил тому, что ему рассказывали, а дальше выступал в роли ретранслятора. На дремучести кельнера и зиждился расчет разведчика.

– Вчера в Женеве, в комиссии Лиги Наций по улучшению качества жизни на Земле, – понизив голос до доверительного тембра, начал плести паутину «Андрей», – завершил работу Всемирный конгресс лысых. По решению упомянутой мною комиссии, всех лысых планеты заносят в Красную книгу, и они подпадают под особую юрисдикцию Лиги Наций...

– Правильно! – Бруно энергично потер голову – бильярдный шар, и она засияла от удовольствия, – нас не так много на этом свете, нас надо холить и лелеять...

– Это еще не всё, – «Андрей» сделал знак Бруно нагнуться и перешел на шепот. – Сегодняшний день объявлен Международным днем лысых... Не исключено, что лысые берлинцы захотят отметить свой праздник в лучших ресторанах города, в том числе и в харчевне, то есть здесь. Учти, среди лысых много влиятельных людей, поэтому кому-то очень не поздоровится, если для них не найдется свободных мест... Впрочем, о чем это я? Ты это знаешь лучше меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.